

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук

На правах рукописи

Бондаренко Анастасия Владимировна

**ПОСТПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ОБЬ-ИРТЫШЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ**

Исторические науки:
07.00.06 – археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва

2016

Работа выполнена в отделе бронзового века Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук

Научный руководитель: **Потёмкина Тамила Михайловна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела бронзового века Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук.

Официальные оппоненты:

Корочкова Ольга Николаевна, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Исторического факультета Института гуманитарных наук и искусств Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Поляков Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории материальной культуры РАН.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем освоения Севера СО РАН.

Защита состоится «17» октября 2016 г. в 14.00 часов на заседании совета Д002.007.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, 4-й этаж, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИА РАН по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, а также на сайте ИА РАН <http://www.archaeolog.ru/>

Автореферат разослан « ____ » _____ 201__ г.

Ученый секретарь совета,
Доктор исторических наук

Е.Г. Дэвлет

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Погребальная обрядность является одной из наиболее устойчивых и важных составляющих обрядовой деятельности [Байбурин, 1993]. Именно здесь в концентрированном виде выражены представления древних о мире, их основные знания [Потёмкина, Грушин, 2012]. Изучая погребальный обряд, ученые пытаются определить место вещей и человека в системе мировоззрения, отношение индивида и общества к себе и окружающему миру. Между тем, часто упускаются из вида и не привлекают должного внимания ученых постмортальные и постпогребальные практики. Постмортальный период – промежуток времени между смертью индивида и захоронением его тела. К постпогребальным (постингумационным) относятся любые действия, которые подразумевают обращение к погребению и останкам. Примером подобных практик и наиболее ярким их выражением являются древние проникновения в могилу, которые и стали основным предметом исследования. Археологами накоплен обширный массив данных, которые могут привлекаться для изучения практик подобного рода. Однако, в большинстве своем, они еще ждут осмысления. Это и определяет актуальность исследования.

Погребальный комплекс, в котором фиксируются следы древнего постингумационного проникновения, мы предлагаем называть **нарушенным**. К этим следам или признакам относятся: изменение по сравнению с закрытыми комплексами контура могилы, наличие пятен в зачистке перед выборкой основного заполнения ямы; смещение деревянной обкладки и перекрытия камеры (если таковые имеются); разрушение стенок и/или дна погребальной камеры; визуальная фиксация шурфа в разрезе погребения; разноуровневое положение костей и инвентаря в заполнении; изменение анатомически правильного положения костей и первоначального положения

инвентаря в могиле, определенного основным характерным для памятника обрядом, в том числе – сочетание останков *in situ* и смещенных костей; полное и частичное изъятие костей или инвентаря. Возможная причина проникновения термином не учитывается. То есть, нарушенными являются и ограбленное погребение, и могилы со следами ритуальных вскрытий. Случаи разрушения могил норами животных и позднейшей хозяйственной деятельностью (рвы курганов, постройки, распашка и т.п.) в выборку нарушенных погребений не включаются.

Степень разработанности темы исследования. До недавних пор специальные работы по теме постпогребальных практик являлись редкостью. Монографические исследования написаны по материалам аланского населения на могильнике Клин-Яр III [Флёров, 2000, 2007]. Коллегами из разных регионов был опубликован ряд статей [Кузьмин, 1991; Нелин, 2001; Аксёнов, 2002, 2014; Демин, Ситников, 2005; Ширин, 2009].

В последнее время идея изучения древних проникновений в могилы все чаще привлекает внимание ученых. Результатом стал проект отдельной секции «Археология древних ограблений и символических захоронений» в работе IV (XX) Всероссийского археологического съезда в октябре 2014 года, проведение круглого стола по той же теме в январе 2015 г. в Челябинске, подготовка отдельного сборника статей по тематике в рамках пятого тома Российского археологического ежегодника. Таким образом, впервые в отечественной археологии был представлен достаточно широкий круг данных по отдельным нюансам погребальных и постпогребальных практик, а также специализированные исследования потревоженных комплексов разных археологических эпох, культур и территорий [см. Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда, том I, II].

Цели и задачи исследования. Основной целью диссертации является

формирование целостного представления о погребениях со следами древнего постингумационного проникновения на основе их комплексного анализа в контексте погребального обряда культур эпохи бронзы лесостепного Обь-Иртышья.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач.

- Выявить конкретные археологические ситуации, связанные с нарушенными захоронениями, определить их специфику, определить основные варианты интерпретации данного явления разными исследователями.

- Уточнить методику полевой и камеральной обработки комплексов, потревоженных в результате древнего проникновения.

- Охарактеризовать нарушенные погребения в системе основных признаков погребальной обрядности.

- Выявить характерные особенности поспогребальных практик конкретных некрополей эпохи бронзы Западной Сибири.

- Выделить общие черты, локальные и культурные различия в практике проникновения в могилы носителей разных культурных традиций.

- Выяснить возможные мотивы и способы нарушения погребений по данным этнографии, провести параллели между ними и археологическими следами практик проникновения в могилы.

Территориальные и хронологические рамки исследования.

Территориальные рамки исследования определяются лесостепным Обь-Иртышьем. В историографии это определение закреплено за Барабинской лесостепью [Молодин, 1985]. Для крупнейших культур эпохи бронзы, как мы видим это на примере андроновской культурно-исторической общности, характерны достаточно широкие границы распространения. Для получения наиболее полной картины и обоснованных выводов были привлечены

археологические материалы Прииртышья, Верхнего и Томского Приобья и других территорий.

В IV – первой половине III тыс. до н. э. на территории Обь-Иртышья существуют памятники байрыкской культуры ранней бронзы, что является нижней границей эпохи бронзы в рассматриваемом регионе [Молодин, 1985; 2001; 2010]. Верхним рубежом эпохи бронзы и началом переходного от бронзового к железному веку периода на данной территории является верхняя граница существования памятников позднеирменской культуры, VIII в. до н.э. [Молодин, Парцингер, 2009]. Эти даты и определяют хронологические рамки работы.

Методика исследования. Диссертация основана на применении сравнительно-исторического метода, используются традиционные для археологии стратиграфический и планиграфический методы. Соискателем разработана схема формализованного описания нарушенных комплексов. Привлекаются данные естественных (патологическая анатомия) и гуманитарных наук (этнография).

Источниковой базой исследования стали архивные и опубликованные материалы девяти могильников (Телеутский Взвоз I, Сопка-2, Урефты-I, Лисаковский I, Кытманово, Преображенка-3, Еловка-II, Черноозерье I, Журавлёво-4), входящих в указанные территориальные и хронологические рамки. Таким образом, массив данных объединяет информацию о 1291 погребальном комплексе культур эпохи бронзы, 464 (36%) из которых нарушены в древности.

Научная новизна исследования. Несмотря на своеобразный «взрыв» в изучении потревоженных погребений, тема остается на начальном уровне развития: еще не выработана единая терминология и методика, основные направления анализа только обозначены.

На основе обобщения имеющихся в археологической литературе наблюдений и разработок по нарушенным погребениям в диссертации были предложены уточнения методики полевого и камерального изучения практик постингумационного проникновения в могилу, сделан обзор распространенных терминов. Впервые в историографии предложена схема формализованного описания нарушенных комплексов.

Всестороннее изучение нарушенных комплексов в контексте погребальных практик разных культур позволило определить несколько направлений анализа признаков и групп признаков для определения основных черт постпогребального проникновения. К их числу относятся особенности поведения с отдельными частями скелета, определение половозрастных особенностей проникновения, сравнительная характеристика набора инвентаря закрытых и потревоженных могил, нюансы обращения с костяками в коллективных захоронениях.

На основе анализа различных черт погребально-поминальных обрядов и особенностей отношения к умершим этнографического времени сделаны предположения о мотивах, способах проникновения в могилы и их возможном материальном выражении.

Научная значимость диссертации. Детальное исследование нарушенных погребений в общем контексте погребального обряда культур эпохи бронзы позволило выявить отдельные факты в подтверждение существующей в историографии гипотезы о том, что далеко не все могилы вскрывались в древности с грабительскими намерениями: во многих случаях исследователь имеет дело со следами особой постпогребальной практики (одной или нескольких), обусловленной мировоззрением древних обществ.

Полученные выводы актуализируют изучение манипуляций с останками умершего в рамках погребальных и постпогребальных практик, влекущих за

собой механическое разрушение анатомической целостности скелета, и позволяют расширить существующие представления о погребальной обрядности населения лесостепного Обь-Иртышья и прилегающих территорий в эпоху бронзы.

Практическая значимость диссертации. Выводы, полученные в диссертации, и отдельные ее части могут использоваться в составлении пособий по истории Западной Сибири. Предложенные в работе методы полевого и камерального исследования нарушенных погребений могут использоваться на практике в ходе археологических изысканий. Созданная база может использоваться для поиска аналогий и стать основой для создания более крупных баз, включающих неопубликованные и вновь открытые погребальные комплексы культур эпохи бронзы лесостепного Обь-Иртышья и прилегающих территорий.

Личное участие автора в подготовке диссертации. Автором был проведен сбор опубликованных и архивных материалов девяти могильников эпохи бронзы, составлена информационная база закрытых и нарушенных комплексов, ставшая основой исследования. Создана схема анализа потревоженных комплексов и разработаны способы табличной организации групп признаков для получения наиболее полной картины практики проникновения в могилы культур эпохи бронзы.

Положения, выносимые на защиту.

1. Во всех культурах бронзового века Обь-Иртышья нарушенные захоронения, как правило, не выделяются параметрами погребальной конструкции, ориентации могил, первоначальным положением погребенного или набором инвентаря (за исключением случаев изъятия бронзовых и золотых изделий в некоторых могильниках). В целом динамика развития постпогребальной практики нарушения могил в культурах эпохи бронзы от

более ранних этапов к поздним показывает снижение количества вовлеченных в действие частей скелета и локализацию проникновения. Однако в различных культурах эпохи бронзы зафиксированы и некоторые особенности проникновений.

2. Древние проникновения в могилы являются следствием не только осквернения или ограбления, но и самых разных погребальных и постпогребальных практик, связанных с мировоззренческими представлениями древнего населения: освобождение души или одной из душ умершего на завершающей стадии погребального обряда (в том числе, обезвреживание покойных); исправление «ошибок», допущенных в проведении погребальных ритуалов; физическое привлечение останков в ходе общения с предком, гаданий или в магических целях; семантическое оформление территории некрополя (подзахоронения, многократные использования центральных погребений).

3. В связи со сложностью изучения мировоззрения носителей различных археологических культур, а так же в силу особенностей археологизации, методики полевого и камерального изучения артефактов, большинство нарушенных комплексов не может поддаваться однозначной трактовке.

4. Практики древнего проникновения в могилу являются неотъемлемой составляющей сложного комплекса погребальных и постпогребальных обрядов археологических культур эпохи бронзы лесостепного Обь-Иртышья и прилегающих территорий.

Степень достоверности результатов. Аналитическая база исследования репрезентативна (1291 погребение, среди которых 464 имеют признаки древнего нарушения), представлена в приложении 1, поддается проверке и открыта для самостоятельной оценки читателем. В приложении 3

даны планы основного массива нарушенных погребений, что позволяет оценить выводы и положения диссертации визуально. Основные подсчеты приведены в таблицах приложения 2 и так же проверяемы. Всё это позволяет утверждать высокую степень достоверности результатов.

Апробация результатов. Основные положения работы отражены в 12 публикациях. Три из них вышли в изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации. Выводы исследования прошли апробацию на Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2007, 2009, 2010 гг.); Региональной археолого-этнографической студенческой конференции (Барнаул, 2008 г.; Кемерово, 2009 г.; Иркутск, 2010 г.); Научной конференции молодых ученых (Москва, 2011, 2013 гг.); VIII исторических чтениях памяти М.П. Грязнова (Омск, 2012), IV (XX) Всероссийском археологическом съезде (Казань, 2014); на заседаниях Отдела бронзового века ИА РАН (Москва, 2011–2013, 2015 гг.).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, шести глав, заключения, списка литературы и архивных источников, списка сокращений, списков таблиц и иллюстраций, трех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность, степень разработанности, научная новизна исследования. Формируются его цели и задачи, обосновывается методология, определяются территориальные и хронологические рамки, характеризуется источниковая база. Даются оценки степени достоверности результатов и личного участия автора, раскрываются

научная и практическая значимость работы, определяются защищаемые положения.

Глава 1. Вопросы интерпретации и терминологии комплексов со следами древнего постпогребального проникновения в историографическом контексте

В первом разделе дается краткий историографический очерк изучения погребений со следами древнего постпогребального проникновения и приводятся известные варианты их интерпретации.

Традиционно многие комплексы, которые были разрушены древним проникновением, называются ограбленными. В ряде случаев авторы приводят обоснования такого определения или даже занимаются направленным изучением этого феномена. Как показывают некоторые археологические примеры, проникновение в могилу в целях получения экономической выгоды могло иметь и ритуальное оформление.

Второй по популярности в среде археологов является идея вскрытия могил в целях осквернения. Основа этих действий кроется в представлениях о душе, связанной с останками погребенного. Соответственно, разрушение анатомической целостности скелета или даже буквальное его измельчение означает окончательную смерть и лишает территорию или род покровительства предка.

Историография изучения катакомбных и срубных памятников выделяет «особые формы погребения»: вторичные, расчлененные, коллективные, кенотафы и кремации. Некоторые исследователи относят в эту группу и потревоженные проникновением могилы. Одной из основ вторичного захоронения является изменение статуса умершего одновременно с изменением внешнего вида и структуры его останков. Эта идея сближает

вторичные и нарушенные погребения.

Многие исследователи предполагают наличие ритуальных целей в постингумационном вскрытии могилы, но не дают определенных интерпретаций. Распространенным мнением является разрушение останков в целях обезвреживания погребенных.

Исходя из археологических и фольклорных источников, скифские курганы могли использоваться в целях «посещения мертвых» и проведения различных ритуалов, связанных не только с погребальной обрядностью, но и с представлениями о могиле как двери в иное пространственное измерение (например, инициации).

Проникновение в могилу могло производиться с целью подзахоронения другого покойного в рамках проведения обрядов погребального цикла, либо в целях изъятия определенных костей скелета. В различных археологических культурах получил довольно широкое распространение так называемый «культ головы». Особыми, магическими свойствами могли наделяться не только останки погребенного, но и некоторые категории погребального инвентаря.

Во втором разделе первой главы обсуждаются некоторые вопросы терминологии вторичных, расчлененных, парциальных и нарушенных погребений.

Глава 2. Методика полевого и камерального исследования постпогребальных практик: признаки, возможности выявления, особенности фиксации

В первых двух разделах оговариваются возможности фиксации проникновения в грунтовые и подкурганые захоронения, приводятся некоторые примеры археологических контекстов.

В третьем разделе второй главы на основе методических разработок

других авторов [Флёров, 2000, 2007; Зайцева, 2005, Гришин, 2014], а также личных работ и наблюдений диссертанта, как полевых, так и лабораторных, приводится список рекомендаций к методике полевого изучения и фиксации комплексов, потревоженных в результате древнего проникновения.

В основе своей эти требования соответствуют Инструкции к Открытым листам Института Археологии РАН, но были дополнены и местной спецификой. Главное внимание было обращено на следующие необходимые условия выявления специфики нарушенных погребений: детальное исследование погребального обряда и стратиграфии; изучение всей площади могильников с использованием методики сплошного вскрытия; исследование заполнения погребений минимальными слоями; необходимость постоянного контроля за ходом расчистки погребений; максимальную тщательность расчистки скелетов и содержимого погребальных камер без строгого нормирования времени; выполнение чернового чертежа от появления могильного пятна и далее, по мере углубления, с фиксацией даже отдельных обломков мелких костей (масштаб зарисовки – не менее 1:5); необходимость словесного пояснения прямо на чертеже непонятных моментов расположения костей или иных вещей; наличие идентификации останков по принадлежности отдельным скелетам непосредственно при разборе погребений. Для реконструкции видов и особенностей нарушенных погребений важно снимать и упаковывать антропологический материал с фиксацией на пакете места расположения останков; уделять особое внимание мелким костям и фалангам; подробно фиксировать порядок взаимного расположения костей в скоплениях и в заполнении могилы (фото, зарисовки, словесные описания); максимально дробно нивелировать кости погребенного и разные концы длинных костей; фиксировать и словесно описывать норы, нарушения заполнения и стенок могильной камеры; отмечать

наличие/отсутствие отдельных костей скелета. В перспективе определенные результаты могут дать трасологические исследования вторичных погребений и потревоженных костяков, консультации криминалистов, исследования химического состава почв, применение новых методов фиксации (тахеометрические измерения, 3-D сканирование).

В четвертом разделе главы предлагается схема формализованного описания закрытых и нарушенных комплексов в камеральных условиях, включающая два блока параметров.

Первый блок основан на общих признаках погребальной практики: особенности внешней и внутримогильной конструкции, способ обращения с телом покойного, количество и половозрастной состав погребенных в одном комплексе, погребальный инвентарь. Сравнение нарушенных и закрытых комплексов по этим признакам может помочь в выделении престижных захоронений, если таковые имели место. Статистика по набору инвентаря позволяет подтвердить или опровергнуть правильность догадок об ограблении отдельных могил.

Второй блок включает ряд признаков, характерных для могил со следами вторжения: параметры шурфа, степень вовлеченности отдельных частей скелета в практику проникновения, положение и физическое состояние потревоженных костей, положение и состояние погребального инвентаря, особенности «поведения» нарушенных комплексов и их различных типов на общем плане могильника.

Глава 3. Постпогребальные практики в культурах эпохи ранней бронзы

Для изучения нарушенных погребений ранней бронзы использованы данные о 4 могилах (2 из них нарушены) байрыцкого типа, 67 усть-

тартасских комплексах (15 из них со следами проникновения) и 158 могил (52 из них потревожены) одиновской культуры могильника Сопка-2 и 41 погребении (26 нарушены) елунинской культуры могильника Телеутский Взвоз I. Погребальные памятники эпохи ранней бронзы Барабинской лесостепи характеризуются высокой частотой постмортальных разрушений костяка.

Два из четырех погребений байрыкской культуры памятника Сопка-2/2 потревожены древним проникновением, четвертое было захоронением скелетированных останков. Одно из погребений было перерезано усть-тартасским захоронением, что может быть связано как с ординарным совпадением места погребения носителей разных культур, так и обрядом осквернения чужеродной могилы [Молодин, 2001].

Погребения усть-тартасской культуры (потревожены 22%, 15 из 67 погребений) демонстрируют многообразие способов постмортального и постпогребального обращения с телами умерших: различные виды вторичных погребений, обожжение трупа, постингумационное разрушение анатомической целостности останков или сочетание этих практик. Одной из устойчивых черт погребального обряда были ярусные погребения. Некоторые из них имели кумулятивный (накопительный) характер. Подзахоронения производились с частичным разрушением останков предыдущего покойного (например, могилы 201, 207, 243, 258 и 569). А в могилу 201 проникновение было совершено дважды или трижды: сначала разрушен погребенный нижнего яруса, затем подложен умерший второго яруса, а позже потревожены и его останки. Похожая ситуация фиксировалась в погребениях 11 и 15 могильника Телеутский Взвоз I. Подобные проникновения могут быть примерами применения вскрытия могил в целях разрушения останков в ходе проведения завершающей части погребального обряда. В шести усть-

тартасских погребениях из 15 (40% нарушенных) сохранились непо потревоженными определенными частями скелетов, что свидетельствует о целенаправленном разрушении конкретной части тела умерших.

Одно из погребений (могила 645) было ограблено в древности: многие из его костей покрыты окислами бронзы, но инвентарь представлен каменным орудием и подвесками из зубов животных. В целом же сравнение набора погребального инвентаря показало, что в потревоженных могилах меньше подвесок из зубов животных, костяных игл и проколов, костей животных и раковин моллюсков, но больше костяных и каменных наконечников стрел, каменных орудий. Это может свидетельствовать об определенном интересе к конкретному погребальному инвентарю при постпогребальном проникновении в могилу. Сложность погребального и постпогребального обрядов усть-тартасской культуры могильника Сопка-2 не позволяет дать однозначную оценку цели постингумационного проникновения.

Одиновское население раннего бронзового века Барабы (потревожены 33%, 52 из 158 погребений) по сравнению с названными ранее носителями байрыкской и усть-тартасской культур отличается повышенным вниманием к костяку в ходе проникновения: чаще изымаются череп и кости посткраниума, реже смещаются все части скелета. Два погребения, где смещены только кости нижних конечностей, могут быть примерами практики обездвиживания погребенного (могилы 163 и 180). Женские останки смещались чаще, чем мужские и детские, однако черепа мужчин чаще изымались. Основные количественные показатели керамического и металлического инвентаря в закрытых и нарушенных погребениях совпадают. Кроме того, в потревоженном комплексе 518 найден единственный бронзовый кинжал. В нарушенных погребениях зафиксировано на 15% меньше костяных игл, проколов и других костяных изделий, чем в закрытых погребениях, что может

объясняться особой семантикой этих предметов.

Нарушенные погребения елунинской культуры ранней бронзы лесостепного Алтая могильника Телеутский Взвоз I (потревожены 63%, 26 из 41 погребений) могут быть разделены на три эмпирических типа. По цели проникновения выделяются две группы. Первая группа включает нарушения первого типа, когда в могиле остается непо потревоженной значительная часть скелета или один из индивидов, фиксируются манипуляции с головой погребенного и направленное проникновение к определенным частям тела или определенным умершим в коллективных погребениях. Предполагается, что в эту группу выделились нарушения с целью проведения обрядов обезвреживания, освобождения одной из душ, «общения» с покойным. Вторая группа, включающая проникновения второго и третьего типов, характеризуется полным или почти полным разрушением анатомического порядка расположения костей, изъятием большой доли костных останков, достаточно небрежным к ним отношением, включая механическое их повреждение. Перечисленные черты проникновения в могилы этой группы могут указывать на осквернение.

Два коллективных погребения могильника Телеутский Взвоз I демонстрируют выборочное нарушение погребенных. В могиле 32 один из погребенных лежал в ногах у двух других и остался *in situ* (не был замечен?) в ходе проникновения. В погребении 3 при вскрытии потревожен один из двух лежащих рядом скелетов. Видимо, целью данного проникновения был определенный покойный, либо необходимая степень разрушения индивида определялась уже в ходе проникновения, по субъективным признакам, например, по внешнему виду останков.

На могильнике Телеутский Взвоз I исследован ритуальный центр, состоящий из центральной ямы и трех расходящихся от нее рвов [Кирюшин,

Грушин, Тишкин, 2003; Потёмкина, Грушин, 2012; Потёмкина, 2012]. Согласно разработанной схеме, сначала на месте святилища и будущего могильника в дни летнего солнцестояния был установлен центральный столб и выкопаны три радиально отходящих от него рва. Затем от этого центра размечалась дальнейшая планиграфия могильника.

Включенность нарушенных погребений в структуру могильника Телеутский Взвоз I наряду с непо потревоженными комплексами может свидетельствовать о непосредственной связи практики постпогребального проникновения в могилы с общей организацией сакрального пространства.

Глава 4. Постпогребальные практики в культурах эпохи развитой бронзы

В основу изучения практики вскрытия могил развитой бронзы легли данные о 397 погребениях (98 со следами древнего проникновения) андроновской (фёдоровской) культуры могильников Урефты-I, Лисаковский I, Кытманово, Преображенка-3, Еловка-II; о 121 погребении (47 нарушены) еловской культуры могильника Еловка-II. Кроме того, в источниковую базу данных включены данные о смешанных андроновско-еловских комплексах могильника Еловка-II (всего 10, 2 нарушены) и 170 погребениях (56 потревожены) черноозерского типа памятников андроновской культурно-исторической общности могильника Черноозерье I.

Изучение нарушенных захоронений кремированных останков сопряжено с рядом проблем и требует непосредственной работы с полевыми материалами. Малый процент проникновения в захоронения кремированных останков (23%, 3 из 13 на могильнике Урефты-I и 19%, 11 из 58 на могильнике Лисаковский I) может иметь несколько объяснений:

– сложность определения особенностей проникновения;

– меньшее количество инвентаря в сравнении с ингумациями целого трупа, если говорить о прагматическом ограблении;

– физическое разрушение целостности скелета в ходе кремации и, как следствие, частичное освобождение останков от семантической нагрузки.

Сравнение набора инвентаря в нарушенных и закрытых комплексах андроновской (фёдоровской) культуры эпохи развитой бронзы показало некоторые отличия. Так материалы могильников Урефты I и Лисаковский I с преобладающим обрядом кремации не дают предпосылок говорить об ограблении. Расхождения в количестве археологически целых сосудов может быть причиной их случайного или намеренного смещения в ходе древнего вскрытия могил.

Напротив, в могильнике Кытманово (нарушены 20%, 7 из 35 погребений) имело место изъятие золотых вещей, а в могильнике Еловка-II/2 (нарушены 23%, 54 из 236 погребений) – изымались бронзовые шилья и иглы, в то время как металлоемкие ножи встречаются чаще в нарушенных погребениях, а не в закрытых. Вероятно, относительное богатство андроновского погребального инвентаря на Алтае послужило причиной грабительских действий. Хотя, с точки зрения древнего населения речь могла идти, например, не о вскрытии могил в целях наживы, а о возвращении ценных вещей роду или последующем использовании предметов, получивших особые свойства [Кузьмин, 1991]. В материалах андроновской части Еловского II могильника ограбления могил являются скорее исключением. Например, к ним могут быть отнесены изъятия украшений из могил 12 и 13 «кургана» 52, могилы 2 «кургана» 49.

Андроновские могильники отличаются друг от друга особенностями проникновения, связанными с половозрастными признаками захоронений, и способами разрушения костяков. В могильниках Преображенка-3

(потревожены 42%, 23 из 55 погребений) и Черноозерье I (потревожены 33%, 56 из 170 погребений) захоронения женщин разрушались чаще, чем мужчин. В женских погребениях могильников Еловка-II и Черноозерье I выше степень вовлеченности разных частей скелета в практику нарушения, чем в мужских.

Вообще же могильник Черноозерье I черноозерского типа памятников АКЮ значительно выбивается из ряда андроновских погребальных комплексов манерой обращения с костяками, большим количеством вторичных захоронений, но вполне соответствует андроновской части могильника Еловка-II отсутствием игл и шильев в потревоженных комплексах. Кроме того, из нарушенных могил Черноозерья I могли выниматься бронзовые ножи, но металлоемкие браслеты представлены одинаково как в разрушенных, так и в закрытых погребениях, хотя кости рук редко оставались *in situ* и «грабители» должны были заметить довольно крупные вещи. Можно предположить, как и в случае с одиновскими (Сопка-2/4А) и андроновскими (Еловка-II/2) нарушенными погребениями, здесь имело место преднамеренное изъятие «опасных» или особо значимых вещей.

Памятники Черноозерье I и Еловка-II/2 близки еще и наличием случаев выборочного нарушения погребенных (могила 154 и погребение 174 соответственно), которые оговаривались нами в материалах ранней бронзы.

Небольшая выборка андроновско-еловских погребений (нарушены 20%, 2 из 10 погребений) не дает объективных представлений о практике проникновения в могилы этой группы населения Томского Приобья.

В погребениях еловской культуры Еловского II могильника количество нарушенных комплексов превысило на 16% (39%, 47 из 121 погребения) число проникновений в андроновские комплексы этого же памятника. Кроме того, еловские погребения отличаются от андроновских большей степенью разрушения костяка, ростом количества смещений и изъятия черепов (прил. 2,

табл. 65). Мужские костяки разрушались в меньшей степени, чем женские и детские: как в плане количества могил и индивидов, так и в особенностях смещения отдельных частей тел.

Известно, что для андроновского, еловского и ирменского погребального обряда характерно применение нашивных бляшек в оформлении головного убора или прически. В ряде случаев нарушенные погребения демонстрируют меньшее количество мелких бронзовых украшений, чем закрытые. Объяснений может быть два. Первое – шаблонное размещение инвентаря на голове и кистях погребенного, лежащего скорченно, становится причиной направленного проникновения с целью изъятия бронзы, а, вместе с тем, смещения черепа, костей рук, груди. Второе – направленные манипуляции с черепом и разрушение грудного отдела погребенного ведут за собой случайное изъятие или смещение мелких бронзовых украшений, оказавшихся рядом. В ходе проникновения в погребения еловской культуры могильника Еловка-II имело место изъятие бронзовых ножей.

Глава 5. Постпогребальные практики в культурах эпохи поздней бронзы (по материалам ирменской культуры)

Основной базой для изучения нарушенных погребений эпохи поздней бронзы стали 323 могилы (165 из них потревожены древним проникновением) ирменской культуры могильников Преображенка-3 (нарушены 27%, 29 из 109 могил), Еловка-II (нарушены 65%, 37 из 57 могил), Журавлёво-4 (нарушены 63%, 99 из 157 могил).

Анализ памятников показал наличие не только известных ранее локальных различий в погребальной практике юго-западной (Преображенка-3) и северо-восточной (Еловка-II, Журавлёво-4) территориальных групп этой культуры, но и существование отличий в постпогребальной практике

проникновения в могилы.

Для материалов памятника Преображенка-3 юго-западной группы характерны захоронения полностью или частично скелетированных останков. Возможно, в основе лежат особенности развития ирменского населения. В Барабинской лесостепи подобные практики были широко распространены в предшествующих усть-тартасской, одиновской, кротовской культурах. Вероятно, именно эта особенность постмортального обращения с телом покойного (распространенность вторичных и парциальных погребений) является причиной расхождений в количествах нарушенных погребений ирменской культуры разных территорий: и постпогребальное нарушение, и захоронение скелетированных останков имеют в основе общую идею разрушения тела и могут восприниматься как явления однопорядковые и взаимозаменяемые.

Случаи шаблонного проникновения к верхней части тела погребенных ирменского времени могильника Преображенка-3, отдельных захоронений голов или скелетированных черепов, замен черепов сосудами с оставления *in situ* посткраниального скелета, по всей вероятности, являются следствием распространенных в сибирской этнографии представлений о душе или одной из душ, локализованной в голове. Не выбиваются из концепции и северо-восточные памятники. Так в 42 могилах (42% из 99 нарушенных) Журавлево-4 проникновение было ориентировано именно на верхнюю часть скелета и голову: сохранились *in situ* кости нижних конечностей, а в большинстве случаев, и грудной клетки.

В ходе проникновения в погребения ирменской культуры могильников Еловка-II и Журавлево-4 имело место изъятие бронзовых ножей.

Все парные ирменские захоронения могильников Еловка-II и Журавлево-4 имеют следы чрезвычайной погребальной или

постпогребальной практики: это нарушение могилы, сжигание останков, парциальное или вторичное захоронение. Во всех этих случаях смысловой доминантой является полное или частичное разрушение останков и, как следствие, окончательное умерщвление индивида. В парном погребении 10 кургана 22 могильника Журавлево-4 зафиксировано единственное на могильнике левобочное положение погребенного (характерная поза – захоронение на правом боку).

На основе приведенных данных можно сделать вывод о семантическом равенстве этой противопоставленной всем остальным захоронениям могильника позы кремациям и механическим разрушениям тела или скелета. Возможно, мы имеем дело с изменением регламента погребального обряда в целях правильного «отправления» опасного покойника.

Глава 6. Погребальные и постпогребальные обряды в этнографии

В главе рассматриваются примеры обращения к останкам умершего в рамках погребально-поминальной обрядности разных этносов. Отдельно оговариваются случаи вовлечения предка и его останков в социальные отношения живых (в их числе включение умершего в число «предков», гадания, выделение различных групп покойников). В третьем разделе приводятся различные методы борьбы с «вредными» покойниками.

Известные в этнографии постпогребальные проникновения в могилы можно разделить на четыре основных блока: одна из заранее запланированных и известных завершающих стадий переведения человека в «иное состояние»; исправление «ошибок», допущенных в проведении погребальных ритуалов; вовлечение предка или его останков в социальные отношения; проникновения прагматического характера.

Остановимся вкратце на каждом из них.

1. Исходя из примеров сибирской этнографии, запланированные проникновения в могилу единичны и относятся только к определенным членам общества [Алексеев, 1980]. На практике могут выглядеть как вторичное погребение (коими по сути своей и являются). Так, при поднятии останков шамана и обновлении арангаса костяк, вероятней всего, будет возвращен скоплением. При использовании выкладок скелета возможны ошибки в расположении парных костей, мелкие кости и зубы при этом могли теряться [Зайцева, Ражев, 2005]. Некоторая часть скелетных останков могла изыматься для создания кукол, оберегов и т.д.

2. К исправлению «ошибок» могут быть отнесены возвращение долга [Косарев, 2003] (если это не «отправление» вещей с другими умершими) и обряды обезвреживания. Долг могли положить в насыпь могилы или кургана, либо рядом с покойным, в его гроб (если таковой имелся). Если вещь подкладывалась к самому покойному, то в заполнении ямы должны фиксироваться следы проникновения. Нарушения костяка при этом непредсказуемы.

К исправлению «ошибок» могут быть отнесены случаи борьбы с «вредными» покойниками. Правильно «отправленный» покойник не требует дополнительных действий (если речь не идет о предписанных обрядом заключительных циклах освобождения души). Соответственно, для каждой категории покойников должен быть выработан строгий регламент действия. В сибирской и славянской этнографии и археологии известны случаи «корректировки» погребального обряда: захоронение заведомо «беспокойного» покойника на особой территории или в особой, не характерной для других позах; изменения в наборе инвентаря (например, помещение пустого колчана); связывание или оборачивание трупа. Таким образом, проникновения с целью обезвреживания относятся к деятельности

«чрезвычайного» порядка и не могут объяснить массового проникновения.

В сибирской этнографии умерших, которые начинали беспокоить живых после похорон, умирляли «бесконтактным» способом. Так неуспокоенную душу могли заключить в берестяной короб или деревянную фигурку, отогнать выстрелом ружья, искрой из огнива или осиновым прутом.

В этнографии славян способы борьбы были более разнообразны. Некоторые из них не фиксируются археологически: если тело висельника оставили в лесу или утопили в болоте; если могилу поливали или забили в насыпь кол. Другие методы определяются только в исключительных случаях: если могилу вскрыли, залили покойника водой; если перевернули покойника, который не успел разложиться (можно принять это за способ погребения); могилу, останки из которой унесли в болото, археологи сочтут кенотафом; сожжение «колдуна» в могиле вместе с гробом можно интерпретировать как частичную кремацию; фрагменты дерева в груди или во рту «вампира» тоже крайне сложно зафиксировать. Таким образом, археологи видят следы только некоторых обезвреживаний. Из названных выше способов это может быть отрубание головы, расчленение, изъятие отдельных частей тела, например, ног, связывание конечностей.

Примечательно, что захоронение должно было быть совершено относительно недавно. Ведь если покойник беспокоит живых, его постараются обезвредить как можно быстрее. Если же речь идет о предполагаемом воздействии на природу, то, видимо, может быть установлен срок в 1-2 года после погребения. Интересно, что основное количество вскрытий могил в таком случае приходится на период, когда в регионе случаются засухи или на время созревания урожая (дождь и несвоевременные заморозки «прекращались» схожим образом). Такие проникновения могут быть приурочены к различным сельскохозяйственным циклам. Отметим еще

раз, что подобные действия ни в коем случае не объясняют массовость нарушенных погребений.

3. При непосредственном обращении к уже захороненным останкам в магических, гадательных целях или при проведении обрядов инициации [Кузьмин, 1991; Курочкин, 1993], в заполнении могилы должны фиксироваться следы проникновения. Чтобы зафиксировать археологически гадания или изъятия отдельных костей, необходима большая выборка разных памятников с целенаправленной обработкой антропологических материалов соответствующими специалистами. Смещения костяка в данном случае непредсказуемы, нарушения в подобных целях, по-видимому, не могут быть массовыми.

В блок социальных отношений попадают и военные осквернения могил. Следы таких проникновений могут быть разными. Во-первых, можно предположить полное разрушение погребения. Дабы очистить территорию от духа предков предыдущего населения, надо полностью уничтожить всё и убить покойников окончательно [Евсюков, 1988, с. 45]. Во-вторых, возможно направленное разрушение конкретной части тела, которая, согласно представлениям мифологической анатомии, содержит одну из душ. Такой способ объяснит частичное нарушение скелета.

Судя по всему, только военное осквернение в полной мере может быть причиной массовых проникновений. Кроме того, осквернение способно объяснить разную степень разложения останков на момент проникновения: нарушалось единовременно как можно больше захоронений, без особого деления на свежие и старые могилы. Остается открытым вопрос об однотипности подобных проникновений в рамках одного некрополя.

4. Отдельную группу образуют проникновения прагматического характера. Сюда относятся механическое освобождение территории кладбищ

и ограбления. Первый вариант не актуален для Сибири, а прагматичное по своей сути ограбление могло сопровождаться ритуальными действиями. Не только археологические свидетельства ограблений [Таиров, 2014; Тишкин, 2010], но и этнографические данные показывают страх перед могилой и усопшим [Алексеев, 1980; Байбурин, 1993; Богораз, 1939; Корусенко, 2003, Райан, 2006]. Именно поэтому правомерна идея проникновения в могилу как неординарного мероприятия, совершаемого под защитой служителя культа [Молодин, Соловьев, 2004]. По крайней мере, могли использоваться защитные заклинания или амулеты. С этой точки зрения грабеж могил становится не прагматичным действием, а своеобразным ритуалом.

Сложно сказать, как должны выглядеть следы типичного ограбления эпохи бронзы. Это могут быть как повторяющиеся смещения определенных костей при изъятии отдельных вещей (например, погребения 12 и 13 «кургана» 52 могильника Еловка-II), так и полные разрушения костяка в попытках найти ценный инвентарь.

Таким образом, анализ самой разнообразной отечественной этнографической литературы показал, что проникновения в могилы в ритуальных целях зафиксированы более всего у восточных славян. Напротив, у отдельных коренных народов Сибири существовали запреты на прикосновение к могиле и останкам.

По данным археологических, этнографических, антропологических, лингвистических и других исследований известно, что в формировании южных угорских и самодийских групп населения в эпоху бронзы приняли участие носители андроновской культуры, принадлежавшие к индоиранскому этносу индоевропейской семьи народов. Через андроновидные культуры – сузгунскую, черкаскую, еловскую – таежное население воспринимало не только скотоводство, металлургию, но и схожие мировоззренческие

установки [Народы Западной Сибири]. Сложно сказать, почему не были переняты или настолько трансформировались во времени характерные для названных археологических культур детали погребальных и постпогребальных обрядов, направленные на общение с мертвым. Вполне вероятно, истоки этого феномена нужно искать в истории возникновения, развития и смены религиозных представлений каждого конкретного этноса.

Заключение

На основе разработанной автором диссертационного исследования методики анализа закрытых и нарушенных комплексов была составлена выборка из 1291 погребения девяти могильников эпохи бронзы лесостепного Обь-Иртышья и прилегающих территорий, 464 захоронения (36% выборки) отнесены к группе комплексов, нарушенных древним проникновением.

Как правило, во всех культурах бронзового века названного региона, захоронения со следами постпогребального проникновения не выделяются из общего массива параметрами погребальной конструкции, ориентации могил, первоначальным положением погребенного или набором инвентаря. В целом динамика развития практики нарушения могил в культурах эпохи бронзы от более ранних этапов к поздним показывает снижение количества вовлеченных в действие частей скелета и локализацию проникновения. Однако в различных культурах эпохи бронзы зафиксированы некоторые особенности проникновений.

На основе анализа и корреляции данных археологии и этнографии сделаны выводы о возможных причинах проникновения, предложена оценка следов и массовости вскрытия могил в определенных целях. Исходя из данных сибирской этнографии, практики освобождения одной из душ покойного на завершающей стадии погребального обряда не могли быть

массовыми, как и исправление «ошибок», допущенных в проведении погребальных ритуалов. По всей видимости, в какой-то мере объяснить массовость нарушения могил в древности могут осквернения и практики общения с мертвыми. На ряде памятников эпохи бронзы лесостепного Обь-Иртышья имело место ограбление могил, но о его прагматичности можно поспорить.

Комплексное изучение погребений со следами древнего постингумационного проникновения в контексте погребального обряда культур эпохи бронзы лесостепного Обь-Иртышья показало, что широко распространенные в историографии интерпретации нарушенных погребений как ограбленных или подвергнутых осквернению не охватывают всю вариативность практики постингумационного проникновения. Постпогребальное разрушение скелета может быть совершено в самых разных целях, в том числе, и ритуальных.

Для культур эпохи бронзы характерен целый комплекс черт нарушения могил. Это значительное количество потревоженных погребений; сходство или даже единообразие практик обращения с останками умерших и погребальным инвентарем; роль нарушенных могил в общей планиграфии и семантическом «оформлении» некрополей. Все это указывает на то, что практика нарушения могил является одной из неотъемлемых составляющих сложного комплекса погребальных и постпогребальных обрядов археологических культур эпохи бронзы Западной Сибири, связанных с различными областями мировоззрения древних обществ и составляющих единую систему.

В первую очередь эта связь прослеживается на уровне воззрений древних о структуре Мира, ее трехчастном строении (Верхний, Средний, Нижний). Особенно заметны эти представления на примерах изучения

круговых святилищ, грунтовых и курганных могильников эпохи энеолита – бронзового века степной и лесостепной Евразии. Важные сведения по реконструкции представлений о структуре Вселенной в древности имеются и в этнографических свидетельствах по этому вопросу.

Отсутствие письменных источников, различные особенности сохранности и информативности полевых материалов делают затруднительными однозначные трактовки действий и причин, лежавших в основе археологически зафиксированных ситуаций. Некоторые ответы могут быть получены с привлечением данных полевой антропологии, трасологии, химии, почвоведения, судебной медицины, а также этнографии.

Список опубликованных работ по теме диссертации

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях

1. *Бондаренко А.В.* Нарушенные погребения елунинской культуры эпохи бронзы (по материалам могильника Телеутский Взвоз I) / Бондаренко А.В., Грушин С.П. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. – С. 170–181.

2. *Бондаренко А.В.* Практика постингумационного нарушения могил в культурах ранней и развитой бронзы Западной Сибири: археологические факты и этнографические параллели / Бондаренко А.В. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – №3 (26). – С. 25–33.

3. *Бондаренко А.В.* Нарушенные погребения ирменской культуры эпохи поздней бронзы Западной Сибири / Бондаренко А.В. // Краткие сообщения Института археологии. – 2015. – Вып. 237. – С. 142–156.

Работы, опубликованные в иных научных изданиях

4. *Бондаренко А.В.* Нарушенные погребальные комплексы грунтового могильника Тартас-1 / Бондаренко А.В. // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкции. Материалы XLVIII региональной (IV Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической студенческой конференции. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 123.

5. *Бондаренко А.В.* Особенности планиграфии могильника Тартас-1 / Бондаренко А.В. // Материалы XLVII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология

Евразии. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2009. – С.28–29.

6. *Бондаренко А.В.* Сравнительный анализ набора инвентаря в закрытых и нарушенных в древности комплексах андроновидных групп на могильнике Тартас-1 / Бондаренко А.В. // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). Материалы XLIX Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. – С. 93–95.

7. *Бондаренко А.В.* Подходы к изучению нарушенных в древности погребений / Бондаренко А.В. // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Материалы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 15–16.

8. *Бондаренко А.В.* Характеристика погребальной практики населения фёдоровской культуры / Бондаренко А.В. // Материалы XLVIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология Евразии. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2010. – С. 36–37.

9. *Бондаренко А.В.* Нарушенные погребения. К постановке проблемы / Бондаренко А.В. // Новые материалы и методы археологического исследования: Научная конференция молодых ученых. Тезисы докладов. – М.: ИА РАН, 2011. – С. 24–25.

10. *Бондаренко А.В.* Проблемы фиксации и анализа могил со следами древнего проникновения / Бондаренко А.В. // VIII исторические чтения памяти М.П. Грязнова: сборник научных трудов. – Омск: Амфора, 2012. – С. 31–35.

11. *Бондаренко А.В.* Нарушенные погребения эпохи бронзы Зауралья и

Западной Сибири (по материалам федоровской культуры) / Бондаренко А.В. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.Г. Ситдииков. – Казань: Отечество, 2014. – С. 539–542.

12. *Бондаренко А.В.* Нарушенные погребения / Бондаренко А.В., Грушин С.П. // Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения: коллективная монография / С.П. Грушин, Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин и др.; отв. ред. А.П. Деревянко. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2016. – С. 83–93.